

I

Анархист Хик-Хик скрывается от преследования в Пиренеях среди дикой природы и жестоких обитателей гор

В 1888 году все люди, желавшие преодолеть стену гор, называемую Пиренеями, должны были миновать узкую долину, в середине которой одиноко стоял городок Велья. Большинство его обитателей были людьми скромными и добрыми, но встречались среди них и другие: они предпочитали закону наживу и скрывались в горах, избегая границ и налогов. Все называли их “пурпурами” из-за цвета их лиловых колпаков.

Эти лиловые колпаки были их отличительным знаком, а длина некоторых из них достигала восьми пядей. По мере надобности их использовали в качестве веревки или пояса, а иногда они служили мешком, если таковых не оказалось в запасе. Бывало, кое-кто набивал эту шапку камнями, и ему удавалось уложить противника на месте без особого шума. Но в первую очередь колпак служил для передачи новостей. Если человек перегибал колпак назад, это означало, что у него есть пшеница на продажу. Когда кончик колпака висел слева, его хозяин продавал всякую домашнюю утварь, а когда справа — оружие. Увидев один узел на таком головном уборе, ты мог быть уверен, что он украшает голову человека, совершившего одно убийство, если же узлов было два, то жертвами его стали двое, трое, а то и четверо. Привязанная на колпак веточка роз-

марина предупреждала: “Берегись, гражданская жандармерия рыскает поблизости”. У всех пурпуров имелись одни и те же обычаи и суеверия: так, подобно рыбакам, они считали, что женщины приносят несчастье, и не брали их с собой во время странствий через границу. А еще эти контрабандисты выпивали немислимое количество *винкауда* — вина, настоящего на травах, которое подавалось горячим, — а захмелев, могли убить человека с той же легкостью, с какой рубили голову кролику. Хорошими людьми их, пожалуй, сложно было назвать.

Пурпуры носили на своем хребте двадцатипятикилограммовые тюки с контрабандным товаром, а с подобным грузом трудно было подниматься в горы. Путь из Испании во Францию и обратно был неблизким, и им приходилось искать какое-нибудь пристанище, чтобы заночевать. Поэтому все пурпуры Вельи знали дом Касиана, или, как они называли его на окситанском наречии, *осталь* Касиана.

В 1888 году, через тысячу лет после рождения Филоме, на восточных склонах Пиренейских гор жил человек, называвший себя прямым потомком отважного рыцаря. Звали этого человека Касиан, и от своего знаменитого предка он унаследовал высокий рост, рыжую бороду и огненно-рыжие брови. Он отнюдь не стеснялся своей лысины, окруженной редющими волосами, отливавшими медью, а чтобы уравновесить отсутствие растительности на макушке, отпустил длинные бакенбарды, которые плавно переходили в золотисто-оранжевые усы, украшавшие гладкий подбородок. Свой *осталь*, стоявший посреди луга, траву на котором давно вытоптали пурпуры, Касиан считал неким подобием королевства, спрятанного высоко в горах. Присутствие в этих местах человека выдавали грязь и запустение: вокруг *осталя* валялись сломанные подковы и ржавые железки, тут и там из-под земли торчали кости домашних животных, черепки и обломки мебели.

Крыша прямоугольного здания была покрыта черным сланцем, а внутри вдоль одной из стен тянулась стойка, которую соорудили, положив шершавую необработанную до-

ску на старые бочонки и прибив на внешний ее край полосу мешковины. Доска была испещрена маленькими углублениями, в которых скапливались трупики мух, претерпевших смертельные муки перед тем, как захлебнуться в потоке излюбленного напитка долины — винкауда. В глубине помещения виднелся очаг: в его огромном закопченном зеве на трех почерневших железных крюках висели пузатые котлы, словно в логовище людоеда.

У пурпуров не бывало друзей. Но все же иногда Касиан доверительно говорил одному из своих постояльцев: “Хочешь, я тебе кое-что расскажу? Я потомок Филоме, отважного рыцаря франков, и когда-нибудь найду источник Власти, который спрятан где-то здесь, поблизости”.

Хик-Хик вошел в осталь Касиана осенним вечером того самого 1888 года. Когда этот черноглазый и чернобровый человечек, волосы которого спадали на плечи, словно у распятого Христа, появился в дверном проеме, никто — ни Касиан, ни пурпуры — не мог заподозрить, что этот коротышка изменит их существование. А заодно и Пиренеи, и весь мир. Никому такое не пришло в голову, да и не мудрено. Наружность у гостя была самая нелепая. Никогда еще никому не доводилось видеть человека, так плохо снаряженного для горных троп: обычные городские ботинки, потертые, задрипанное темное пальто и котелок, такой же черный, как борода и усы гостя. У этого крепыша была широкая грудь, а руки и ноги казались слишком короткими, но при этом сильными. Его несуразная внешность давала повод для шуток и насмешек: один глаз смотрел с лисьей хитрецей, а другой — с куриной бестолковостью. Войдя в помещение, он уселся поближе к огню, дрожа от холода, и сразу весь съезжился, словно прячась в скорлупу своего пальто.

Касиан сразу предупредил пришельца, что его заведение — не гостиница, а тайное пристанище, в котором оста-

навливаются только контрабандисты. И коли ему угодно здесь переночевать, придется заплатить три реала. Однако у коротышки не было ни гроша за душой. И тут раздался громкий голос одного старого пурпура:

— Готов поспорить, что это филер.

Его товарищ, жевавший здоровенный кусок сыра, спросил:

— Кто тебя подослал? Испанская полиция или французская?

— Что мне с ним делать? — обратился Касиан к присутствующим.

И пурпуры с той же непосредственностью, с которой простой горожанин указывает заблудившемуся прохожему дорогу, ответили:

— В расселину его, в расселину!

Касиан достал из-под стола револьвер, который несколько лет тому назад оставил в качестве платы за постой один карлист, отправлявшийся в изгнание. Это было достойное оружие — лефоше образца 1863 года, на рукоятке значилось: “Завод Овьедо”. Касиан вложил шесть патронов в барабан и под дулом револьвера вывел Хик-Хика на улицу.

Они прошли пару сотен шагов до узкой расселины в горах, и все это время дуло лефоше упиралось в спину Хик-Хика. В этих краях, на вершинах мира, убийство казалось делом простым: смерть сразу сменялась забвением — человек падал в пропасть, и природа поглощала его, словно он и не являлся никогда на свет. Сбрасывать жертвы в расселины было принято, выбирали при этом не простые овраги, а глубокие щели, ведущие в пропасть. Пурпуры утверждали, что расселины Пиренеев так забиты трупами, что в один прекрасный день кости вылезут на поверхности земли.

Касиан велел Хик-Хику остановиться возле одной из расселин: пропасть казалась бездонным колодцем, только отверстие было не круглым, а узким и длинным, словно улыбка дьявола. Когда Хик-Хик оказался между обрывом и револьвером, Касиан решил еще раз попытать удачу:

— Заплати три реала, и я тебя отпускаю.

Хик-Хик заныл, упал на колени и признался: ему пришлось бежать от стражей закона, потому что был он революционером, верившим в идеалы акратии. Забирая в полицейский участок, его били железным прутом и приговаривали: “Вот и похихикаешь ты у нас теперь”. А он отвечал им в помутнении рассудка: “Похи-хик... Похи-хик...” — потому его и прозвали Хик-Хиком. Но в 1888 году в Барселоне проводилась Всемирная выставка, власти хотели очистить город от всякой шантрапы, и полицейских всюду было пруд пруди. Устав от бесконечных побоев, наш борец за справедливость решил удалиться подальше от городов. Но двигаться вперед он уже не мог: по другую сторону границы его тоже ждали полицейские и судьи. Хик-Хик закончил свою речь торжественно:

— Не выдавай меня на расправу реакции, *товарищ*.

Касиан хорошо разбирался в людях и сказал себе, что если этот тип и вправду революционер, то какой-нибудь третьеразрядный, а может, и того меньше. Нет, совершенно ясно, что Хик-Хик просто бедолага, которого случай привел в его осталь. Как и на морских просторах, в горах тоже встречаются люди, потерпевшие кораблекрушение. И Касиан решил не убивать этого человека. Он вложил револьвер в кобуру и пошел с Хик-Хиком обратно, но не на постоянный двор, а к другому месту у подножия горы.

Касиан и Хик-Хик углубились в тесный проход между двумя скалами. В конце этого природного коридора узкая щель вела в помещение, своими размерами напоминавшее монастырскую келью. Они вошли. В свинцово-серых каменных стенах было холоднее, чем снаружи, откуда доносился резкий свист ветра, похожий на крики осла.

Касиан широким жестом обвел крошечную каморку, словно перед ним простиралось целое королевство.

— Я принесу тебе лом и лопату, чтобы ты расширил это помещение, — сказал он. — Тебе будет здесь уютно, в твоей кауне.

Слово “кауна” на наречии этих мест означало “пещера”.

Хик-Хик смотрел по сторонам, думая о чем-то своем, и наконец высказал одно-единственное пожелание:

— А не мог бы ты принести сюда диван, товарищ?

Касиан заржал, а потом отправился на свой постоянный двор, оставив Хик-Хика в пещере. Пурпуры вообразили, что странный пришелец уже отправился на тот свет, разбившись о камни.

— Я не стал его убивать, — пояснил им Касиан. — Никакой он не филер.

Контрабандисты поинтересовались, почему он так в этом уверен.

— Полиция никогда бы не послала сюда шпиона без единого гроша в кармане, — сказал он и добавил: — Теперь он будет здесь прислуживать.

Пурпуры поняли, что означают эти слова. Главными центрами в долине были остали. Не дома принадлежали людям, а люди принадлежали домам. Тебя никто никогда не спрашивал, кто твоя родня, а задавали только один вопрос: из какого ты остала? Хозяева домов посolidнее позволяли себе иметь слуг, которые в этих местах всецело им подчинялись, трудились, выполняя самую тяжелую и грязную работу. За нее они получали пусть и мизерные, но все же деньги и имели право на комнату с кроватью и ночным горшком. Таким образом, несмотря на свое подчиненное положение, чужак становился членом семьи.

Однако в горах эти правила, установленные в долинах, нарушались. И чем выше жили люди, тем больше размывались и изменялись к худшему эти нормы. Поэтому, когда Касиан объявил Хик-Хику, что тот будет служить в его остале, он имел в виду, что на беднягу возлагались все обязанности слуги, но никаких прав при этом он не получал: места под крышей ему не полагалось, и членом семьи он не становился, потому что семьей пурпуры не были, их объединяли иные узы. Контрабандисты довольно закивали: им всегда казалось, что

на этом постоялом дворе слишком медленно обслуживают, — и сказали фразу, которую бы любой житель долины произнес, говоря о слуге: “Если он сбежит, мы его тебе вернем”.

Касиан помог новому слуге оборудовать природный грот, его кауну. Хик-Хик расширил входное отверстие и саму пещеру, а потом соорудил дверь, похожую на плот моряка, потерпевшего кораблекрушение. Ему даже удалось приделать к ней огромный и ржавый засов от хлева. Когда дверь открывалась, петли издавали жалобный стон, напоминавший писк мыши, придавленной сапогом, и гость попадал в помещение, размеры которого не превышали пяти шагов в глубину и шести в ширину. На полу лежал потрепанный матрас, набитый соломой, а рядом стояла старая и хромая железная печурка. Дым из нее выходил по длинной изогнутой трубе. Одним словом, у него получилось что-то вроде убежища первобытного человека.

Впрочем, Хик-Хик появлялся в своей кауне только поздно вечером, потому что весь день проводил в остале, трудясь не покладая рук. Ему доставалась самая грязная и неблагодарная работа: когда он рубил дрова, его ладони покрывались царапинами и занозами, а когда таскал ведрами воду из ближайшего родника, пальцы пристывали к ледяным ручкам ведер. А еще ему приходилось задавать корм сидевшим в клетках кроликам, мести пол метлой из веток вереска и помогать в трактире — подавать пурпурам вино, хлеб, сыр и турецкий горох с салом... Те обращались с ним в соответствии с тем, как понималось слово “слуга” в этой долине: контрабандисты подзывали его протяжным свистом, будто дворового пса, а когда он оказывался рядом, использовали его рубаху в качестве салфетки.

Осталь охраняла жутковатого вида гусыня — старая, крикливая и даже более лысая, чем сам Касиан. Хик-Хику удалось разузнать некоторые подробности ее необычной

судьбы. Изначально гусей было шесть, но остальные пять птиц сочли свою товарку существом низшего порядка и поэтому взяли за правило клевать ее в голову — этим и объяснялась лысина. Каждый раз, когда бедняга вытягивала шею, чтобы проглотить червяка или зернышко, оказавшиеся рядом гуси наостряли свои клювы, желая отнять у нее добычу и заодно напомнить, что она — самое ничтожное существо во дворе. В результате на макушке несчастного создания не осталось ни перьев, ни кожи: глазам представляла кость ее черепа, белая и круглая, как бильярдный шар, обрамленная корочкой запекшейся крови.

Парадокс заключался в том, что гусыня спаслась от неминуемой смерти именно благодаря своей несчастной судьбе. Всякий раз, когда Касиану требовалось мясо для похлебки или сало, чтобы пополнить запасы, его топор выбирал самого жирного и гладкого гуся. А когда на дворе осталась только лысая гусыня, он решил сохранить ей жизнь: с одной стороны, навара из ее жесткого мяса все равно бы не вышло, а с другой — она гоготала так громко и яростно, что из нее получился прекрасный сторож, лучше любой собаки. Таким образом Лысая Гусыня избавилась от своих врагов и жила теперь победительницей в гордом одиночестве. Она разгуливала по всему дому и по двору, словно королева Пиренейских гор: ее округлившиеся бока плавно покачивались, а голова гордо высилась на длинной шее, похожей на трубу перископа. С этой высоты птица важно обзирала окрестности. Хик-Хика она терпеть не могла: возможно, видя его подневольное положение в остале Касиана, гусыня вспоминала о том, как ей доставалось от сородичей, и всегда норовила выбрать момент и щипнуть его под коленку.

Но хуже всего было другое: инструменты, которыми Хик-Хику приходилось пользоваться каждый день, казались такими старыми, словно до него многие поколения держали их в руках: деревянные рукоятки топоров и молотков столетней давности, тупые и сточенные зубья пил, напоми-

нающие резцы дряхлого животного. Возможно, так получалось из-за того, что любой предмет проходил длинный, извилистый и нелегкий путь прежде, чем оказаться в этих горах, а недоступность рынков или ярмарок вынуждала людей бесконечно все чинить и латать. Весь осталь провонял застарелым потом, табачным дымом, винным перегаром и подгнившей мешковиной, словно, зайдя с улицы, путник оказывался в хлеву, где вместо скотины держат людей. С балок свисала паутина, по углам она образовывала треугольные паруса, почерневшие от копоти. Упадок и запустение, царившие в доме, передавались природе вокруг него. Трава во дворе вечно была желтой, пожухлой и безжизненной. Единственным исключением на фоне унылого и безрадостного пейзажа были огромные грибы, росшие тут и там, которые почему-то не вызывали у завсегдатаев постоянного двора никакого интереса: они обращали на эти удивительные экземпляры не больше внимания, чем на траву.

А грибы эти поистине были местной достопримечательностью.

Пурпурам они давно примелькались, поэтому их взгляды скользили мимо них. Но Хик-Хик, городской житель, ни разу в жизни не видел грибов таких невероятных размеров. Каждое утро по дороге из пещеры в осталь он успевал заметить дюжины этих огромных созданий: самые маленькие были размером с табуретку, так что на них можно было сесть, а самые высокие доходили ему до груди. Одни были цвета яичного желтка, другие — цвета водорослей, остальные демонстрировали тысячу оттенков охры. Крепкая и чистая ножка идеальной цилиндрической формы поднималась от земли прямой колонной, а круглые шляпки были все разные, и самые крупные не уступали в размерах колесам телеги. Беспорядочно разбросанные на склонах грибы виднелись повсюду. Почва, казалось, значения для них не имела. Тут торчал один, чуть подалее — парочка, а там, в перелеске, замерла навывтяжку плотным строем целая дюжина гордых великанов.

Работа от зари и до зари довольно быстро наскучила Хик-Хику. Однажды, когда он, стоя на карачках, драил пол, Лысая Гусыня подошла к нему, расправила крылья и оставила прямо у него под носом лужицу зеленого помета, издав презрительное “га-га-га!”. Этот поступок возмутил его до глубины души.

— Товарищ! — сказал Хик-Хик, обращаясь к Касиану. — Ты не должен участвовать в капиталистической эксплуатации трудящихся. По сути дела, ты тоже жертва обстоятельств, ибо не знаком с Идеалом. Позволь мне рассказать тебе о принципах международного анархизма.

И Хик-Хик с места в карьер пустился в объяснения. Он описал будущее в счастливой Аркадии, где упразднятся все чины и звания и где для Нового Человека, преодолевшего все противоречия общества, наступит Новая Эра либертарианства. Касиан слушал его, широко открыв рот, забыв про сигарету, прилипшую к нижней губе. Хозяин дал слуге выговориться, а потом обратился к нему дружелюбным тоном, в котором сквозило волнение:

— Ты, безусловно, прав, Хик-Хик. А я-то жил себе здесь в этих диких горах и знать ничего не знал о благородных утопиях. Ты открыл мне глаза. Более того, твои слова для меня — настоящее откровение. Подойди-ка поближе, друг мой, я хочу по-братски тебя обнять.

Но когда Хик-Хик подошел к Касиану, тот отвесил ему две здоровенные пощечины, по одной с каждой стороны. Звук их был таким звонким, словно кто-то в ярости хлестал мокрой тряпкой по стене.

Бездельник Хик-Хик! Этот идиот мечтает превратить мир в такое место, где никто никому не указ. Да еще решил рассказать об этом ему! Ему — потомуку Филоме! Человеку, который всю жизнь искал источник Власти.

— В трактирах Барселоны тебе еще, может, и удастся кого-нибудь оболванить своей дурацкой болтовней, — сказал ему Касиан. — Но со мной такое не пройдет. Ты со-

брался освободить все человечество, а лучше бы подумал, как освободить.. а точнее — о себе самом, и тогда, возможно, не стоял бы сейчас передо мной на коленях.

Хик-Хик попытался возразить, но тут Касиан резким движением положил свой лефоше на стойку.

— Сейчас я тебе это докажу. Просто возьми и застрели меня — и сразу превратишься из слуги в хозяина остала.

Касиан вцепился в запястье Хик-Хика, приказал ему взять револьвер и направил дуло себе в грудь.

— Пурпуров не бойся. Они тебе ничего не сделают, им по нраву люди решительные и отважные. Ну, давай.

Но Хик-Хик отложил револьвер и дрожащим голосом заявил, что такое убийство стало бы преступлением во имя капитала, а не против него. Касиан прервал его презрительным тоном:

— Вот видишь, эти мысли возникли у тебя не потому, что ты угнетен, напротив: тебя угнетают, потому что они сидят у тебя в голове.

Согласно легенде о Филоме, Власть пряталась под высокими сводами пещеры, в глубине которой лежало некое зерно.

Хотя на дворе стояла осень и до настоящих холодов было еще далеко, Хик-Хику не удавалось хорошенько обогреть свою кауну. По ночам печь проглатывала за поленом полено, точно паровозная топка, но вечно влажные каменные стены не поддавались. Кроме этих неприятностей обнаружили и другие: раз в пять или шесть дней его уединение нарушалось.

В полночный час Хик-Хика будил свет керосиновой лампы, и, открыв глаза, он видел зловещую тень: это был Касиан, смахивающий на одинокое и неприкаянное привидение. Хозяин остала разглядывал стену в поисках непонятно чего. Хик-Хик приподнимался на локтях, жмурясь и прикры-

вая ладонью глаза: огонь их слепил. Из мглы пещеры, нарушаемой мерцанием керосиновой лампы, Касиан смотрел на своего слугу так, словно это тот был непрошеным гостем.

— Ты ничего здесь не находил? — допытывался хозяин остая. — Не видел зерен, маленьких таких зернышек?

Потом Касиан тыкал пальцем в середину стены и не терпящим возражений тоном приказывал:

— Долби! Вот здесь. Вставай и копай дальше, бездельник ты эдакий.

